

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с., ил. Т. 2. 840 с., ил. Т. 3. 752 с., ил.

Рецензируемое издание продолжает сложившуюся в советское время историографическую традицию создания обобщающих исследований по истории республик и отдельных регионов страны. Само его появление выглядит достаточно своевременным: предыдущий фундаментальный труд по истории Калмыкии вышел более 40 лет назад¹. Трехтомник отличается не только значительно выросшим объемом и источниковая база, но и содержанием. Осуществляя комплексный анализ истории республики, авторы избрали три исследовательских направления: складывание территории Калмыкии в ее нынешних границах, этническая история калмыцкого народа, формирование которого началось в Средневековье, в Центральной Азии, в тесной взаимосвязи с историей монголов, и, наконец, культура края, которой посвящен особый том. Это позволяет представить историю и культуру республики как единый процесс. Еще одной особенностью работы является проблемное изложение материала. Каждому тому предшествуют вводные историографические и источниковедческие очерки, дающие представление о том, как посвященные Калмыкии научные изыскания вписывались в историографический и культурный контекст своего времени, и как они отразились на современной исторической мысли.

Среди вопросов, представленных в первом томе, одним из самых интересных является этногенез калмыков. Проблемы этногенеза вообще относятся к наиболее спорным, поскольку освещающие их письменные источники крайне малочисленны, сложны для критики и герменевтики, а зачастую допускают более чем неоднозначную интерпретацию. Особая сложность этногенеза калмыков связана с тем, что данный процесс происходил в условиях развитого феодального общества, с глубокой государственной традицией и высокой культурой, способной к восприятию ламаизма с его сложной философией. В то же время здесь наблюдались исключительно устойчивые социальные и хозяйственные традиции кочевого сообщества. В исследовании получили глубокое обоснование выводы авторов о том, что этногенез калмыков был связан с консолидацией западных монголов начиная с XV в. в ойратскую народность, часть которой, прозванная калмыками, обособилась и начала самостоятельное развитие с XVII в.

Не менее сложной представляется характеристика сущности достигнутого калмыцким социумом в данную эпоху общественного строя. Отмечая, что специфика кочевых со-

обществ с трудом вписывается в концепции, созданные на анализе европейского материала, авторы не отрицают сложившихся в историографии моделей, объясняющих процессы развития центральноазиатских сообществ на основе формационной метатеории. В частности, они признают весьма интересной сформулированную еще Б.Я. Владимирцовым концепцию кочевого феодализма (т. 1, с. 217), обращая внимание на его специфику, проявившуюся в способе реализации феодальной собственности на землю посредством распоряжения знатью кочевьями и пастбищами. В качестве особенности подобных сообществ отмечена также устойчивость родовых отношений, из которых к XVII в. выростала социальная структура с основой в виде индивидуальной семьи-оома (т. 1, с. 222). По-видимому, такой общественный строй в значительной мере предопределял традиционализм и застой в развитии калмыцкого общества на протяжении длительного времени. Как справедливо подчеркивается авторами, он существовал у калмыков и при вхождении их в состав России.

Этот в целом хорошо изученный в историографии процесс показан с учетом всей его сложности и противоречивости, без стремления к идеализации, характерного для ряда предыдущих исследований. В рецензируемом издании обосновывается, что калмыки в середине XVII в. добровольно вошли в состав России, образовав в 1670–1680-х гг. собственное государство – Калмыцкое ханство. Авторы полагают, что отношения между Россией и ханством носили федеративный характер. В связи с этим указано на противоречивую роль русских властей в формировании калмыцкой государственности. По образному выражению авторов, Русское государство было «повивальной бабкой» при рождении не слишком желанного ребенка» (т. 1, с. 350), которому определялась роль вассала. Таким образом, общее устройство России XVII в. предстает как сложная система, во главе с сюзереном-царем, включающая ряд вассальных образований на окраине страны. При этом подчеркивается, что русское правительство поддерживало ханов в борьбе за политическое единство калмыков, в том числе потому, что ему нежелательно было иметь дело с отдельными властителями улусов, более склонными к самостоятельным действиям и прямым грабежам русских подданных. Данное обоснование представляется справедливым, поскольку после Смуты правительство Михаила Федоровича Романова аналогично поощряло усилия другого своего вас-

сала – Войска Донского – в объединении всех казачьих общин на Дону, что позволяло поставить под контроль войскового центра, тесно связанного с Москвой, действия отдельных групп казаков. Дальнейшее укрепление монархии привело, как отмечают авторы, к ликвидации во второй половине XVIII в. Калмыцкого ханства и к его полному политическому слиянию с Российской империей.

В обобщающем труде детально прослежены сложные явления военно-политической истории ойратов, связанные с войной против монголов, внутренними междоусобицами и образованием Калмыцкого ханства, с деятельностью тайши Дайчина, тайши Мончака и крупнейшего из калмыцких властителей – Аюки, добившегося признания за собой ханского титула. Отражены особенности воинской службы калмыков, их участие в войнах, которые вела Российская империя, а также в подавлении народных движений при Аюке. Несколько большего внимания заслуживает и столь важное явление истории калмыков второй половины XVIII в., как откочевка 1771 г. в Джунгарию во главе с наместником Убаши (т. 1, с. 427–431). Это событие, в последнее время подробно изученное В.И. Колесником², было следствием, в первую очередь, кризиса в отношениях калмыков с Россией. О продолжении этого кризиса свидетельствовало и участие ставропольских, оренбургских и уральских калмыков в Пугачевском восстании. Авторы верно отмечают, что предводителями восставших калмыков стали представители знатных фамилий. В данной связи определенным анахронизмом выглядит характеристика Пугачевского восстания как крестьянской войны (т. 1, с. 666), тем более что в предыдущем разделе оно названо гражданской войной (т. 1, с. 437). Участие калмыков в движении Пугачева определялось вовсе не крестьянскими интересами, в отличие от крестьян губерний Поволжья или горнозаводских рабочих Урала.

Интересно представлена история калмыков в составе российского казачества. Действительно, среди казаков была довольно значительная часть калмыцкого народа, что нашло отражение в исследованиях К.П. Шовунова³. При этом до сих пор нет ответа на вопрос о причинах неодинакового отношения к традиционному для калмыков ламаизму в Войске Донском и в других казачьих войсках. Так, если донские казаки-калмыки оставались в своем большинстве ламаистами, а миссионерская деятельность православного духовенства по отношению к ним не отличалась активностью, то в других казачьих войсках правительство уделяло существенное внимание христианизации казаков-калмыков, исповедовавших ламаизм, и достигало в этом определенных успехов. Авторами затронут и вопрос об отно-

шении к донским калмыкам их ближайших соседей – астраханских калмыков.

Значительное внимание в работе уделено сложным процессам развития экономической и социальной структуры калмыцкого общества в течение XIX в., в частности, роли русских переселенцев в распространении в Калмыкии новых отраслей хозяйства. Вместе с тем авторы справедливо указали на наличие некоторых противоречий между переселенцами и калмыками по земельному вопросу (т. 1, с. 595).

Во втором томе в центре внимания находятся сложные и драматические события, пережитые Калмыкией вместе с Россией в конце XIX–XX в., включая две мировые и Гражданскую войны, несколько революций, реформы, острые кризисы и другие грандиозные потрясения. Авторам в полной мере удалось вписать историю края в контекст общероссийских социально-экономических и политических трансформаций, не раз сопровождавшихся радикальной сменой общественного строя. Осветить многие «белые пятна» истории Калмыкии позволило привлечение большого массива различных источников, включая рассекреченные в 1990-е гг. документы. Значительная их часть была выявлена в архивах непосредственно в процессе подготовки данной работы и впервые введена в научный оборот. В данной связи оправданной выглядит некоторая описательность тома, позволяющая выстроить событийный ряд истории Калмыкии XX в. на существенно обновленной, по сравнению с прежними работами, фактической основе.

Авторами исследованы особенности ликвидации крепостничества в Калмыкии и модернизации калмыцкого общества, охарактеризовано животноводство на рубеже XIX–XX вв. как ведущая традиционная отрасль хозяйства калмыков, также рассматривается состояние земледелия, рыболовства и ремесла. Обращаясь к развитию товарно-денежных отношений и социальному расслоению в калмыцком обществе, авторы обоснованно полагают, что данные тенденции в указанный период не следует переоценивать (т. 2, с. 106). Как и во многих других регионах страны, нараставшие в 1905–1907 гг. социальные противоречия приняли в Калмыкии форму аграрного движения, не получившего, впрочем, столь радикального характера, как в центре России. Революция 1917 г. первоначально была воспринята здесь сравнительно спокойно, даже равнодушно. Однако вскоре Калмыкия превратилась в зону активных боевых действий между различными противоборствующими силами, стремившимися использовать ее территорию и ресурсы в собственных интересах.

Достаточно подробно в работе рассмотрены события Гражданской войны в регионе и процесс втягивания в нее донских калмы-

ков. Особый интерес представляет вопрос об их вступлении в казачество. Следует отметить, что, излагая рассматриваемые сюжеты на принципиально новой эмпирической основе, авторы иногда используют прежнюю терминологию, в частности, характеризуют противников большевиков как «контрреволюционеров» или «белоказачков». Между тем уже сам приводимый материал свидетельствует о том, что Гражданская война выходила далеко за рамки дихотомического противостояния «революционеры—контрреволюционеры».

Авторы раскрывают влияние военного коммунизма, нэпа и форсированного строительства социализма на развитие Калмыкии, показывают глубину преобразования в автономии в 1920–1930-х гг., связанные с переходом от кочевого к оседлому образу жизни и стационарному способу хозяйствования. В то же время, в отличие от предыдущего обобщающего труда, в рецензируемой работе рассматриваются не только достижения советского периода, но и трагические события – голод и раскулачивание, партийные чистки и массовые политические репрессии.

На основе новых материалов отражены и такие традиционные для отечественной историографии сюжеты, как участие населения Калмыкии в боевых действиях и различных патриотических инициативах в годы Великой Отечественной войны. Всесторонне раскрыт вклад калмыцкого народа в достижение Победы, показан трагизм запоздалой эвакуации летом 1942 г., прошедшей с большими потерями, изучены особенности организации сопротивления захватчикам. Приведя примеры сотрудничества населения с противником на оккупированной территории Калмыкии, авторы подчеркивают, что сложившуюся там ситуацию определяло не это, а «высокий моральный дух большинства граждан республики, желание выстоять и победить врага, чувство патриотизма» (т. 2, с. 555).

С учетом результатов последних исследований Н.Ф. Бугая, К.Н. Максимова, В.Б. Убушаева⁴ и других современных историков описаны депортация калмыков в 1943 г. и ее трагические последствия. Оценивая данную репрессивную акцию как проявление политики геноцида, авторы в то же время, в отличие от ряда других региональных исследователей, не сводят причины принудительного выселения к субъективным факторам. Стремление оставаться на объективных позициях, опираться в своих выводах на исторические источники, прежде всего официальные документы, в целом характерно для данной работы. В меньшей степени в ней оказались раскрыты вопросы пребывания калмыков на спецпоселении. Эти сюжеты вообще относятся к сравнительно малоизученным в калмыцкой историографии

проблемам. Между тем осмысление данных вопросов на основе не только рассекреченных официальных документов, но и источников личного происхождения, позволяющих понять особенности выживания калмыков в ссылке, механизмы их адаптации к непривычным природным и социальным условиям, а также отражение данных событий в исторической памяти народа представляется достаточно перспективным.

Последний раздел второго тома содержит описание развития автономии после возвращения и реабилитации калмыков, а также восстановления республики. Главное внимание в нем уделено политическим и социально-экономическим преобразованиям в Калмыкии в 1960–1990-х гг. Достаточно подробно показаны изменения в составе ее депутатского корпуса. Однако почти ничего не говорится о жизни «рядовых» жителей республики, социальных ожиданиях и возможностях их реализации – не менее актуальных темах, интерес к которым возрастает в современной зарубежной и российской историографии. В то же время в обобщающем труде раскрываются проблемы развития Калмыкии в пространстве нового российского федерализма, трудности перехода республики к рыночным отношениям.

Завершающий том, в подготовке которого приняло участие наибольшее количество авторов, посвящен истории культуры Калмыкии. Особенности материальной культуры показаны через характеристику повседневного быта калмыцких скотоводов, типов жилища, интерьера, костюма и пищи, декоративно-прикладного искусства, военного дела и его эволюции в XVII–XIX вв. Все это позволило раскрыть особенности хозяйственно-культурного типа калмыцкого кочевого общества. Значительное внимание уделено и различным аспектам духовной культуры: народным знаниям в системе жизнеобеспечения калмыков, фольклору, включая, разумеется, героический эпос «Джангар» как важнейший памятник культуры, а также ойратско-калмыцкой письменности, музыке, изобразительному искусству и народным играм. Авторы приходят к достаточно взвешенным оценкам трансформации культуры Калмыкии, отмечая как ее позитивные, так и негативные стороны: ликвидацию неграмотности и разрушение традиционных устоев, формирование национальной интеллигенции и вторжение процессов вестернизации и глобализации в современных условиях. Вполне обоснованными выглядят итоговые выводы: «Вхождение калмыков в состав Российского государства способствовало их взаимодействию с другими народами, взаимообогащению этнических культур, развитию этнокультурных связей. Процесс ломки традиционной культуры и инкорпорирования в мировую

культуру был довольно жестким, но объективно необходимым» (т. 3, с. 626).

В специальном разделе, посвященном религии, рассмотрены добуддийские верования и соответствующая им обрядность, включая реликты шаманства и почитания животных, представления о происхождении мира, небесных светил, о человеке и душе. Несомненно, положительную роль в освещении данных сюжетов сыграло использование, наряду с официальными документами, полевых материалов. Глубокое обоснование в работе получил вывод об огромной роли буддизма в жизни калмыков. В утверждении буддизма, а также в распространении письменности и грамотности среди калмыков значительную роль сыграла деятельность выдающегося просветителя калмыцкого народа Зая-пандиты (т. 1, с. 218–219), но о ней говорится немного. Между тем его личность и деятельность заслуживают углубленного внимания и серьезного монографического исследования. Самостоятельным сюжетом в коллективном труде стала христианизация калмыков. Раскрывается и религиозная жизнь переселенческой Калмыкии. При этом наряду с правомославию обращено внимание на судьбу сектантов – старообрядцев, молокан, христововеров (хлыстов), а также протестантов.

Авторами показана роль просветителей в развитии образования в Калмыкии, изучены формирование системы светского и организация религиозного образования до революции 1917 г. Выделены характерные черты и основные направления создания советской школы, осмыслены ее судьбы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, зарождение и становление высшей школы, деятельность научных учреждений Калмыкии. Отметив, что значительную роль в культурной политике большевиков играл идеологический фактор, авторы в то же время положительно оценили общие изменения в культурной сфере. В работе также отражены вопросы возникновения и развития профессиональной культуры, литературы и печати, изобразительного искусства и архитектуры, здравоохранения, физкультуры и спорта. Констатируется несомненный количественный и качественный прогресс в данных сферах в советский период и трудности их развития на современном этапе. При этом в тексте нередко приводятся списки работников культуры, здравоохранения, науки и образования, добившихся успехов в своей профессиональной деятельности. Они выполняют скорее мемориальную, чем аналитическую функцию, позволяя «встроить» данные имена в общий контекст событий, но мало что проясняют в тенденциях и закономерностях развития Калмыкии. Более целесообразным представляется публикация указанных сведений в приложениях в обобщенном виде (в форме таблиц, диаграмм и графиков).

Авторы трехтомника не всегда сохраняют проблемный стиль изложения, и он нередко приобретает повествовательный характер. Естественно, что в столь крупном труде встречаются отдельные неточности, повторы и опечатки. Впрочем, указанные недочеты с учетом общего объема томов (он достигает 231,7 п.л.) не так часты.

Самостоятельную ценность представляют вспомогательные указатели: именной – ко всем томам, хронологический – к первым двум, и терминологический словарь к третьему тому. Списки использованных источников и литературы представляют собой настоящие библиографические справочники по истории и культуре Калмыкии. Положительной оценки заслуживает и общее качество полиграфии. К сожалению, надписи и обозначения на части карт в первом и втором томах практически не читаются, что лишает целесообразности их публикацию в подобном виде и не соответствует общему достаточно высокому уровню фундаментального труда.

В целом, указанные замечания не умаляют значимости проделанной работы, выходящей далеко за рамки историографического события регионального масштаба. На фоне появления в последние годы различных сепаратистских и этнически окрашенных версий отечественной истории обращает на себя внимание стремление его авторов показать Калмыкию неотрывной частью России. Несомненно, что рецензируемый труд будет востребован не только профессиональным сообществом, но и широким кругом читателей.

Е.Ф. Кринко,
доктор исторических наук
(Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН),

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор
(Южный федеральный университет)

Примечания

1 Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. Дооктябрьский период. М., 1967; Ч. 2. Эпоха социализма. М., 1970.

² Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

³ Шобунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992.

⁴ Бугай Н.Ф. Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996; Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2. М., 2010; Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение: 1943–1959 гг. Элиста, 2007; и др.